

ВЕЛИКАЯ ПЕВИЦА МЕЖДУ ДОМОМ И СЦЕНОЙ

«Когда ты выходишь и знаешь, что надо взять публику, она тебе сразу подчиняется», — говорит Елена Образцова

Независимая газ. 9-10
2001. — 20 апр.

Михаил Жирмунский

Елена Образцова после только что прошедшего в Метрополитен-Опера «Игрока» собирается выступить в Ижевской опере в «Пиковой даме». Главное же дело примадонны — подготовка своего Второго конкурса, который откроется в конце сентября в Петербурге. Последние полгода Образцова бывает в Москве лишь краткими наездами. Осенью провела месяц в Париже на второй серии спектаклей «Войны и мира» в «Опера де Бастий», в декабре преподавала в Японии. Затем надолго задержалась в Америке: кроме партии Бабуленьки в «Игроке», спела два концерта (в Бостоне и Чикаго), а также гастролеровала по стране со спектаклем Романа Виктюка «Антонио фон Эльба». В мае будут концерты в Петербурге и Прибалтике, в июне — в Большом зале консерватории. В начале сентября в Лос-Анджелесе ее вылепленная на века Графиня из «Пиковой дамы» встретится с непростым Германом — Пласидо Доминго.

Экстраординарная мощь и откровенность певицы на сцене вовсе не означает, что и вне сцены она столь же масштабно шумна и сенсационна. Все попытки журналистов докопаться до «закулисных тайн примадонны» вызывают лишь чистосердечное повествование о двух замужествах «по любви», взрослой дочери, которая учится петь в Испании, и внуке. Потеряв два с половиной года назад мужа, дирижера Альгиса Жюрайтиса, она не проявляла явно знаков горя или затворничества. Поэтому Елену Васильевну стали одолевает вопросы о планах очередного замужества. На этом фоне интерес беседы с Образцовой заключался в том, чтобы разглядеть след ее творческой личности в делах повседневных, в чем-то таких же, как и у всех.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА, труд певца закрыт от публики. А ведь это тяжелая работа, сплошные физические перегрузки!

— Мы же при пении все время задерживаем дыхание, организм окисляется, и мозг отекает. У меня после концерта обязательно была мигрень. Мне сказала Джованн Сазерленд, что надо делать: сейчас для того, чтобы на утро мигрени не было, я принимаю обезвоживающее лекарство. Потом просто перегрузка головы — ведь

колоссальная струя сфокусированного воздуха идет в резонаторы!..

У нас очень часто, у певцов, аллергия, астма, потому что за кулисами грязь, пыль, и мы все время в этой грязи. Вот шла «Война и мир»: когда я смотрела на свет, чем мы дышим, мне было просто дурно, я все время закрывала нос платком. Потом мы все избиты: падаем на сцене, хватаем друг друга в страсти — я в синяках всю жизнь!

Доктор мой, Макарова Нелли Григорьевна — просто женщина-радость, она меня лечит нормальными лекарствами. Люблю лечиться травками. Их подбирают мне знакомые травники, я сама в них ничего не понимаю. Даже однажды пыталась есть то, что едят мои коты и собаки (смеется). Думаю: вот это, наверное, лечебная травка, раз они едят. Они ведь не все едят, даже из осоки выбирают отдельные травки: нюхают, нюхают, дальше идут, находят. Вообще лучше всего не заниматься лекарствами. Лучше всего выехать на дачу, залезть в сауну, походить по воздуху.

— Когда вы больны, то все равно поете?

— Это, вы знаете, трагедия всей моей жизни. Я считаю, если публика пришла — пускай в любом состоянии, но я должна выйти. А с другой стороны, если я выхожу больная и все-таки пою, то не могу показаться людям в лучшем виде. И вот эта дилемма всегда у меня в голове. Но если я не буду выходить... понимаете, я все время чувствую себя неважно. Тогда публика перестанет мне верить.

— В день выступления вас надо бояться?

— Все бояться того момента, когда я пою. Раньше все обижались на меня, а потом привыкли и знают: когда я пою, тут уже лучше не подходить, потому что у меня нервы взвинчены до предела, и я позволяю себе даже кричать на моих близких. И это состояние вздрюченности, вздернутости для меня обязательно. Для того чтобы выйти на сцену, нужен специальный какой-то кураж. И нужно то, что всегда в день спектакля, в день концерта я больная. Мне надо чувствовать слабость, чтобы потом был рывок.

— Но на сцену вы выходите просто хозяйкой зала...

— Да, я должна сразу взять зал. Публика очень чувствует внутреннюю потенцию актера или певца, и если я выхожу на сцену: вот, извините, вроде, что я вышла, — она так к тебе и относится. А когда ты выходишь и знаешь, что можешь взять пуб-

Великая певица Елена Образцова.
Фото Евгения Бурмистрова

лику, она тебе сразу подчиняется.

— Как вы считаете, такая власть дана вам от природы?

— Нет, это все с годами, потому что вначале я так боялась, что меня выталкивали на сцену. В обмороке просто была каждый раз. И была у нас такая Зайцева Лидия Яковлевна, потрясающая женщина, в филармонии работала: она меня каждый раз или щипала или пинка давала, чтоб я выскочила такая злая, сердитая. Что-то такое она мне делала, что я выскакивала на сцену, и все получалось.

Вообще я думаю, что большой певец, большой художник — это от Бога, и мы только проводники того, что хочет Господь. Я очень много молилась ему, чтобы лечить людей, и потом поняла, что Бог дал мне голос, чтобы им лечить. Я вижу на своих концертах людей не совсем нормальных. И вижу, что они приходят на концерт, и лечит их голос. Я в этом уверена абсолютно.

— Вы вдруг неожиданно для всех помолодели. Как это перенесли?

— Перенесла с удовольствием, но тяжело было физически, потому что я сразу похудела килограмм на 26 и слабость чувствовала. Начинаю я теперь день с грейпфрута. Стала заниматься зарядкой по утрам, потому что надо было восстановить мышцы. У меня есть специальные палочки, которые накачивают живот. Нужно заниматься велосипедом. Потом для рук у меня гантели... Я стала легкая, мне легко танцевать, встать, застегнуть сапожки, наклониться, сесть нога на ногу. Это все, чего я была лишена многие годы, потому что весила очень много.

— Но вот, например, Паваротти похудел и стал хуже петь. Разве певцам не вредно худеть?

— Хуже мы поем, потому что становимся старыми, а не потому, что худеем.

— При этом ваш переход на возрастные роли произошел давно...

— Да, мне было 25 лет, когда я спела Графиню (в «Пиковой даме». — М.Ж.), так что у меня такой проблемы не существует.

— В «Войне и мире» Прокофьева вы всегда пели красавицу Элен, а теперь вас пригласили на роль старой Ахросимовой...

— Да у меня же была просто трагедия! Когда я подписала контракт, я не посмотрела, что на Элен. Мне даже в голову не пришло, что это Ахросимова.

(Окончание на стр. 10)

ВЕЛИКАЯ ПЕВИЦА МЕЖДУ ДОМОМ И СЦЕНОЙ

(Окончание. Начало на стр. 10)

Потом за неделю до отъезда я посмотрела в контракте и буквально упала в обморок. Слава Богу, партия была небольшая, но интонационно очень сложная. Так что я приехала в Париж — все недоучено. Такого у меня еще не бывало. Но получилась интересная роль, настоящая роль: на балу она дама света, такая представительница аристократии, потом в шестой картине у Наташи она совсем другая женщина, домашняя, но тоже со своими взглядами — возмущена этими новыми веяниями, этими вальсами...

— В Нью-Йорке вас ждала вторая прокофьевская старуха — Бабуленька в «Игроке». Она оказалась интереснее?

— Та уж очень удалая бабка! Образ Бабуленьки у Достоевского, конечно, более глубокий. Предлагали еще спеть Бабу в «Похождении повесы» Стравинского, очень смешная роль. Две арии из этой оперы я пела в консерватории, поэтому для меня это не очень большая работа была бы. Еще предложили спеть Слепую в записи на диск «Джоконды». Наверное, спою, посмотрим...

— А в спектакле Романа Виктюка «Антонио фон Эльба» вас заинтересовал всплеск молодых чувств пожилой примадонны...

— Конечно. И когда героиня уходит в дом престарелых, она смеется. Ей смешно даже сказать о том, что она идет туда, потому что душа еще молода.

— Этот спектакль рассчитан на зрителя, раскрепощенного в вопросах морали. В нем двое мужчин любят друг друга, молодой человек и пожилая дама. Вас это не смущало?

— Я считаю, когда существует любовь в любом виде — это прекрасно. Потому что любовь — это Божий дар, и Бог нам дает любовь очень редко. Какая бы она ни была, за нее надо быть благодарной Господу Богу.

— А вы сами теперь, глядя в прошлое, согласились бы выбрать бурную личную жизнь вместо карьеры?

— У меня и была бурная личная жизнь! Почему вы думаете, что ее не было? (смеется).

— Роман Виктюк говорил о вашей «нерас-

траченной энергии любви». Нерастроченной в творчестве или в жизни?

— Конечно, в творчестве. Я не пускаю никого в свою личную жизнь. Это его ощущение по моей работе, я так думаю. И он прав. Она никогда не растрачена. То, что дает Бог, остается с нами до самой смерти.

— Вы говорили о влиянии на вас Надежды Обуховой. Ведь когда она пела романсы, возраст привносил в ее исполнение ностальгию по прошлому, смирение перед ходом времени. Вам это знакомо?

— Я до этого не дошла и дойти не хочу. Но когда я слушала Обухову, я всегда хотела дожить до такого момента, когда я смогу спеть старинные русские романсы.

— Но в смирении и много величия...

— Нет, не надо этого. Потому что величественен только один Бог, а мы должны работать, нести радость, свои познания жизни передать людям. А величие — это уже потом, после смерти, наверное.

— Елена Васильевна, вы бесконечно ездите, и значит, часто собираетесь в дорогу. Для вас сборы дело долгое?

— Да это в одну секунду! Особенно этими сборами отличался Альгис. Он мог за полчаса собраться в любую страну и уехать. И я каждый раз удивлялась: как это он так делает!

— А вы что делаете, чтобы собраться быстро и ничего не забыть?

— Я думаю о том, как я просыпаюсь: мне надо снять рубашку, надеть халат, взять тапки, почистить зубы... и так далее весь день мысленно проживаю. Потом я должна взять на репетиционный период какие-то вещи, на открытие оперы, на представительский вечер что-то красивое, удобную обувь, чтобы ходить по магазинам, гулять по галереям. Так и складываю чемоданы...

— Чемоданы, видимо, огромные?

— Да нет, обычно не очень большие, но когда на два я месяца уезжала в Париж, у меня было два больших чемодана. В Париже я жила очень хорошо. У меня было две комнаты, которые я снимала у парижской приютницы Алочки Демидовой. В отеле не

люблю жить. Я устала от отелей, потому что там нельзя сделать ни кофе, ни чай.

— А ведь когда-то вы рассказывали мне о сказочной жизни в нью-йоркском отеле, которую устраивала ваша поклонница...

— Да, была такая Элизабет... Она украшала мой номер картинами и старинными вещами. В этом же номере часто останавливался Паваротти. Однажды он зашел в гости, когда я там жила, и остолбенел: «Откуда все это? Почему нет этих вещей, когда я здесь живу?» А Элизабет после моего отъезда все сразу же и вывезила...

— Вы всегда говорите о том, как вас тянет домой. Куда же именно?

— Сюда, в эту московскую квартиру. У меня никогда почти не было дома. Родители переезжали. Мы жили в Ленинграде, потом мы уехали в Таганрог, потом в Ростов, потом в Москву. А я всегда хотела иметь дом, и сама переезжала четыре раза в Москве. И когда я наконец переехала в эту квартиру, мне очень хочется быть дома. А когда я здесь, в России, меня тянет в Ленинград, потому что у меня там тоже есть квартира. Я там родилась и половину жизни прожила. Я знаю каждый угол, где что отбито, где что было и что изменилось, какой дом новый, какой старый... Все дорожки... Как я бегала во Дворец пионеров заниматься пением и как-то ближе была к земле, наверное. Ведь была маленькая. Все газоны помню, помню, как меня учила мамочка ходить *выворотню*, чтоб ножки я ставила параллельно мамочкиным ножкам. Потом я хотела быть выше ростом. Помню чугунный бордюрик, и я по нему шла за ручку с мамой и была почти такого же роста, как мама. Такие вот трогательные вещи. Сейчас бордюриков этих нет. На нашем доме, на парадной были такие громадные морды львов, теперь уже этих львов нет. Я иду и вспоминаю: здесь было то, здесь было это.

— Ваша новая питерская квартира, кажется, недалеко от прежней?

— Буквально через два дома. Захотелось очень на эту улицу, где мы пережили блокаду, где мы пережили войну, где жили мои мама с папой. Всегда меня тянуло в Петербург, всегда хотелось вернуться обратно.

Но дело в том, что у нас цыганская жизнь. Это мне говорил еще Александр Павлович Ерохин, мой первый пианист, которого я очень любила и который сыграл громадную роль в моей жизни. Я не понимала: «Как ты можешь так много ездить!» Если мы не были за границей, так он по России меня все время мотал. И он говорил: «Вот через некоторое время ты поймешь, как цыгане живут: тебе уже здесь плохо, там плохо. А если даже хорошо, то все равно надо дальше ехать». И я, когда приезжаю, думаю: «Боже, хоть бы мне так лечь на даче и полежать недельку!» Через несколько дней мне уже хочется поехать в город, из города еще куда-то на гастроли...

— Если бы вы не пели, то чем бы сейчас занимались?

— Если бы я не пела, то писала бы книги! Я и сейчас их пишу. И, наверное, преподавала бы. Да и много чего! Господи, столько дел — все не переделать, дня не хватает!

— Вы начали писать стихи...

— С августа месяца 99-го года.

— Что вас к этому подтолкнуло?

— Смерть мужа моего...

— В какой манере эти стихи?

— Я не знаю никаких манер. Никогда в жизни два слова в рифму не могла ни сказать, ни спеть (смеется). Странно... как будто кто-то мне диктует, а я записываю. И не всегда. Иногда, бывает, месяц — полтора я вообще ничего не пишу, а потом вдруг мне кто-то стучит вот сюда, в правую сторону головы, и я скорей-скорей начинаю записывать без помарок, без переделок.

— Вы могли бы сказать: мои поклонники — моя семья?

— Люблю поклонников своих. Есть такие, которые со мной как-то так всю жизнь, и мне очень верны. Мы все были молоденькие, а теперь вместе состарились и друг друга очень трепетно любим. Особенно трогательно видеть их в Петербурге, потому что ходили девочки на мои первые концерты, а теперь это женщины уже пожилые.

— Общаетесь с ними по-домашнему?

— Нет, никогда. Потому что одно время был совершенный психоз, тогда это было модно, и я очень страдала от моих поклонниц.

— Для вас дружба вообще важна?

— Без друзей тяжело. Я очень люблю разговаривать с людьми. Вы знаете, в дружбе нужно больше отдавать, чем получать. Я считаю, что дружба, наверное, даже всегда сильнее, чем любовь, потому что любовь эгоистична и хочет все время брать, а вот дружба хочет давать, чтобы сделать друга своего счастливым и радостным. Я очень люблю подарки дарить. И получать (смеется). Но получать, наверное, потому, что недостаточно получала в детстве. Вот у меня очень много игрушек, я их покупала, мне дарили. Во время войны, во время блокады у меня игрушек не было, и мне хочется восполнить пробел детства.

— Когда вы одна дома, то чем занимаетесь?

— Я очень люблю что-то делать по дому, убираться, люблю шить, читать, с цветами заниматься: пересаживать цветы люблю, разговариваю с цветами...

— А готовить?

— Нет, это не для меня — я не умею — я разучилась! У меня есть Аня, которая готовит, но когда я готовлю, я готовлю вкусно, это правда. Такое бывает только летом. Я очень хорошо делаю солянку мясную, когда миллион всяких ингредиентов туда кладу и потом на вкус пробую, чего еще туда можно добавить.

— Какие, не расскажете?

— Нет, нет, уж пожалуйста что-нибудь другое. По кухне ничего. Я или обязательно обжусь или что-нибудь еще... Сейчас вот решила пожарить кусок рыбы — не хотелось выходить на улицу. Тут же у меня все масло было на руке, и я уже рыдала.

— Ваше окружение на даче — ваши животные. Кто же именно?

— Ну, почему только на даче — они всегда со мной живут, ездят даже за границу: по очереди беру кого-нибудь. У меня два пуделя. Один той-пудель, игрушечный, Антошка, а вторая здоровая такая кобыла Дашка. И мне подарили в Ленинграде еще кота с голубыми глазами. Дивный кот просто, Сережка...

Когда я была уже в десятом классе, мы отдыхали в Гаграх. Отец купил перепелок жарить, наша хозяйка их готовила. Они были завязаны веревочкой за ножки. Я веревочки перерезала и птичек отпустила. Отец меня тогда чуть не убил. А они все улетели. Наверное, с благодарностью. Любила ловить рыбу,

Елена Образцова в спектакле Романа Виктюка «Антонио фон Эльба». Фото Дениса Тамировского (НГ-фото)

а теперь снова ловить не могу, потому что мне стало жаль рыб на старости лет. Все живое жаль!

— Но вы всегда ведь носили мех. И по-прежнему носите?

— А мех я люблю, потому что здесь нельзя ничего сделать. Я не могу запретить охоту. К сожалению...

